

трости, по бокам обведены лавровыми венками из того же камня, ото времени надпись уже местами стерлась совсем»¹⁶.

В целом, приведенный материал демонстрирует, что подлинные списки и донесения для «Русского провинциального некрополя» — гораздо более содержательный и насыщенный источник по биографии, генеалогии, быту и культуре российского купечества, нежели выбранные из них данные, опубликованные в изданных томах некрополей великого князя Николая Михайловича. В настоящее время ведется подготовка к изданию первого тома «Материалов к “Русскому провинциальному некрополю”», в который войдут данные по шести губерниям Поволжья — Астраханской, Вятской, Нижегородской, Самарской, Саратовской и Симбирской. В соответствии с принятыми принципами публикации в нем будут отражаться не только все биографические, архитектурные, бытовые и культурно-исторические подробности, отсекавшиеся в изданиях начала XX в., но и воспроизводиться содержащиеся в донесениях подлинные надгробные надписи, представляющие как несомненный исторический, этнографический, литературоведческий интерес, так и мемориальное значение для возможного восстановления надгробных памятников, ныне почти повсеместно утраченных.

Примечания

¹ Московский некрополь. СПб., 1907–1908. Т. 1–3; Петербургский некрополь. СПб., 1912–1913. Т. 1–4; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1.

² РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1103. Л. 7–7 об.

⁴ Там же. Л. 21 об.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 5 об. Здесь и далее курсивом даны подлинные тексты надгробных надписей.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 52.

⁸ Там же. Д. 32. Л. 246.

⁹ Там же. Л. 113.

¹⁰ Там же. Д. 8. Л. 11.

¹¹ Там же. Д. 22. Л. 7.

¹² Там же. Д. 9. Л. 11.

¹³ Примечание составителя донесения.

¹⁴ РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 9. Л. 92.

¹⁵ Там же. Д. 22. Л. 10.

¹⁶ Там же. Д. 55. Л. 239–240.

А. В. Мельников

«ЗАПИСКИ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КАЧАЛОВА» — МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТАМОЖЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 1870–1880-х гг.

В 1870–1882 гг. главным учреждением по управлению таможенным делом и карантинной частью в Российской империи — Департаментом таможенных сборов Министерства финансов руководил тайный советник (с 1875 г.) Николай Александрович Качалов (1818–1891). Он принадлежал к старинному дворянскому роду, внесенному в родословную книгу Новгородской губ. В 1836 г. Качалов по семейной традиции окончил Морской кадетский корпус и, прослужив во флоте до 1845 г., в чине капитан-лейтенанта вышел в отставку, после чего поселился в своем имении в Белозерском у. Новгородской губ. В 1854–1862 гг. он состоял в должности по выбору предводителя дворянства Белозерского у., а 1865 г. был избран председателем открывшейся первой Новгородской земской губернской управы и избран депутатом от дворянства. Особенно деятельно в эти годы Качалов проявил себя в организации мероприятий по улучшению народного здоровья и школьного дела. В должности председателя управы он участвовал в работах учрежденной под председательством наследника цесаревича (будущего императора Александра III) комиссии по доставлению помощи жителям северной России, пострадавшим от неурожая. В 1868 г. Качалов был произведен в действительные статские советники, а 24 мая 1869 г. назначен архангельским губернатором. В выпавший короткий срок управления губернией он сумел подробно исполнить данное ему императором Александром II распоряжение изучить состояние экономики северного края и высказать свои предположения по улучше-

нию нужд его населения, о чем докладывал государю лично в феврале 1870 г. (показательно и то, что Качалову в 1871 г. присвоено звание почетного гражданина городов Архангельска и Кеми).

Тогда же министр финансов М. Х. Рейтерн предложил Качалову должность директора Департамента таможенных сборов, в которую он и вступил в конце 1870 г. Оставив согласно прошению эту должность в феврале (по другим сведениям в апреле) 1882 г., Качалов был назначен состоять членом совета министра финансов. Такова в общих чертах его служебная карьера.

В одном из газетных некрологов о Качалове сообщалось, что им были написаны мемуары¹. Во многом на основании их, что специально отмечено и в пристатейной библиографии, была впоследствии подготовлена анонимная заметка о Качалове в «Русском биографическом словаре», в которой специально подчеркивалось, что «Н. А. Качалов оставил после себя обширные записки обо всей своей служебной деятельности, написанные в 1883–1888 гг., заключающие драгоценные данные об императоре Александре Александровиче, благосклонностью которого он долго пользовался и к которому со своей стороны питал особенную преданность и любовь»². Таким образом, сведения о мемуарах Качалова не единожды сообщались в печати, но вопрос об их опубликовании был поднят уже в предреволюционные годы.

Вероятно, около 1916 г. дочь Качалова, Мария Николаевна Шульман, обратилась к одному из соредкторов и издателей журнала «Голос минувшего» историку В. И. Семевскому с предложением опубликовать мемуары отца на страницах журнала. Материал, представлявший безусловную историческую ценность, был оперативно отредактирован, и печатание записок началось. В одном из писем по получении корректуры мемуаров дочь, по-видимому, в ответ на вопрос издателя о необходимости ряда сокращений при публикации в журнале, просила «не беспокоиться эти вопросом и взять в свои опытные руки дальнейшее издание записок, Ваше чутье и деликатность подскажут Вам, что следует выпустить и какие имена обозначить инициалами. Принимая во внимание, что записки писались для семьи прямо набело, без поправок, мне кажется, следовало кое-где сгладить шероховатости слога»³. В четырех номерах журнала в течение 1916–1917 гг. были опубликованы фрагменты мемуаров о детстве, годах обучения в Морском кадетском корпусе и службы во флоте, жизни в деревне до отмены крепостного права и в первые годы после оглашения манифеста 19 февраля 1861 г.⁴

После кончины в 1916 г. В. И. Семевского архив его и редакционные материалы журнала были сосредоточены С. П. Мельгуновым в Москве. В 1922 г. Мельгунов был выслан из Советской России, архив его и библиотека конфискованы и переданы на хранение в Библиотеку Коммунистической академии, составив впоследствии так называемый «Архив Семевского»⁵, откуда последний в 1956 г. поступил в Архив Академии наук СССР (части фонда, в особенности в 1920–1930-х гг., передавались и в ряд других музеев и архивов). После реформирования его в Архиве Академии наук СССР (ныне Архив РАН) в 1960-е гг. было образовано три архивных фонда: В. И. Семевского (Ф. 489. Оп. 1–4), С. П. Мельгунова (Ф. 647. Оп. 1) и Редакции журнала «Голос минувшего» (Ф. 646. Оп. 1)⁶.

В составе последнего фонда и находится рукопись «Записок тайного советника Николая Александровича Качалова». Пять обширных тетрадей составляют пять единиц хранения⁷. Допустимо полагать, что это копия. Рукопись написана несколькими почерками (не схожими с почерком Н. А. Качалова), разными чернилами. Сам автор в конце воспоминаний отмечает: «Описав важнейшие обстоятельства моей службы и вообще моей жизни, я примусь перечитывать вышенаписанное и дополнять, что припомню. Желательно по исправлению 4[-х] написанных тетрадей, переписать четко имеющего хороший почерк. Я пишу мелко и строка довольно часто (sic!) и чтобы не затруднить переписчика дополнениями, я завел 5[-ю] тетрадь, для помещения собственно дополнений. Страницы этой тетради перенумерованы и будет указан № страницы, где помещено данное дополнение; толковый переписчик по смыслу не может ошибиться и поставить дополнение не на своем месте»⁸. Таких помет со ссылками на 5-ю тетрадь в рукописи нам не встретилось. «Тетрадь 4-ая» начинается уже с середины тетради⁹ и т. д. Рукопись сохранилась полностью за утратой трех листов¹⁰. По рукописи заметны следы редакторской правки карандашом: преимущественно обширные зачеркивания целых страниц с целью сокращения частей текста, которые не предполагалось публиковать в «Голосе минувшего».

Согласно предварительным расчетам, сохранившимся при рукописи, с опущением ряда мест, повторов, пространных отступлений, сведений семейного и личного характера и т. п. публикация должна была составить около 16 печатных листов¹¹. Безусловно, рассчитывали издать и часть мемуаров с описанием службы Качалова на посту директора Департамента таможенных сборов, но в год революции преимущественное внимание в журнале было обращено на материалы, связанные с революционными событиями. Возможно, это могло послужить одной из причин того, что печатание записок было прекращено.

Качалов так определяет побудительные мотивы, подвигнувшие его 28 апреля 1882 г.¹² начать работу над воспоминаниями: «Достигнув 64-летнего возраста, я постоянно был занят службой государственной, общественной и, при большом семействе, домашними делами и мало имел свободного

времени. В настоящее время, по совершенно различным взглядам с министром финансов Николаем Христиановичем Бунге на управление таможенной частью, я вынужден оставить должность директора департамента таможенных сборов, которую занимал 12 [лет], и назначен состоять при министре финансов без определенных занятий. Ежели Господь допустит еще пожить, и я успею дописать эти записки, то будет описана моя служба по управлению таможенным ведомством и причины, по которым я оставил эту службу. В настоящее время у меня много свободного времени, которое посвящалось служебным занятиям; привыкнув к ежедневным письменным трудам, мне необходимо отыскать серьезное дело, которое бы занимало меня в свободное время. В этих поисках, я остановился на мысли приняться за составление записок о всем, что припомню мною виденном и испытанном до сего времени. Мне пришлось прожить, и большею частью быть даже деятелем, в весьма любопытную эпоху, когда Россия начала перестраиваться под впечатлением новых идей и новых требований жизни, что при громадности нашего государства составляет грандиозное и любопытное явление!

Мысль вести записки подкрепили мои дети, которым я рассказывал некоторые эпизоды моей жизни, и, не смотря на то, что прошло сравнительно немного времени, они меня выслушивали с большим интересом. Я начал понимать окружающие меня явления жизни с конца царствования Александра I; в царствование императора Николая был уже офицером флота, а потом предводителем дворянства Новгородской губернии, Белозерского уезда. В царствование Александра II председателем Новгородской губернской земской управы, архангельским губернатором и директором департамента таможенных сборов, и в этой должности пробыл первый год царствования Александра III. В продолжение этого времени многое пришлось видеть и многое испытать, но чтобы по возможности припомнить отдаленное прошлое, я должен начать с моего детства, из которого, конечно, я могу припомнить немного; но жаль упустить и это немного, так как я все-таки могу припомнить, хоть в общих чертах, о быте помещиков 20-х годов, о положении крепостных людей и отношениях их к помещикам.

Начинаю эти записки не для печати, а единственно для моего семейства, а потому буду писать без всякой системы и, не стесняясь, сущую правду, т. е. как я понимал и как мне казалось. Конечно, я могу ошибаться, многое позабыть и кое-что перепутать, за что простят старика!»¹³

Если побудительным мотивом для автора и послужили расспросы близких родных, и не единожды он считает возможным отметить, что пишет «не для печати» или «оглашения»¹⁴, а «единственно для моего семейства», то в предисловии все же ясно чувствуется, что его государственная и общественная деятельность, сведения им сообщаемые, представляют интерес и для значительно более широкого круга лиц.

В годы управления Качаловым Департаментом таможенных сборов в ведении учреждения находилась разработка таможенного законодательства, устройство таможенных учреждений, заведование карантинными учреждениями на Северном Кавказе, в Туркестанском генерал-губернаторстве, строительство таможенных учреждений и их ревизия, борьба с контрабандой, статистика внешней и внутренней торговли, департаменту подчинен был корпус пограничной стражи и т. д.¹⁵ Для Качалова подобная деятельность была внове. Как он сам вспоминал: «Приступая к описанию <...> моей деятельности по таможенной службе, я не могу надивиться моей смелости, взять на себя управление такой громадной и совершенно незнакомой мне части! Объяснение нахожу в том, что у нас постоянно это практикуется по всем ведомствам, и примеры эти дали мне смелость. Я, конечно, не буду касаться того, хорошо или дурно управлял делами и людьми таможенного ведомства, судить об этом я не имею ни права, ни возможности, но сознаю, что таможенная моя деятельность подлежит большой критике, которой я смиренно покоряюсь, имея одно утешение, что служил, как умел и сознательно не делал зла. На этом основании, я буду описывать общие, служебные вопросы и обстоятельства, лично до меня и моего семейства касающиеся»¹⁶.

В мемуарах Качалова приведены данные о введении в России взимания таможенных пошлин золотом, подробности об устройстве пограничной стражи с чисто бытовыми сюжетами — об организации продовольствия, приобретении лошадей, обмундировании, педагогическом процессе в учебных командах. Пограничная стража — это «излюбленный предмет»¹⁷ Качалова. Он внимательно заботился об организации ее, по его инициативе были учреждены два училища для детей таможенных служащих, по западным границам открыты православные храмы.

При Качалове было устроено порто-франко в Батуме, а таможенная часть на Кавказе, имевшая существенные особенности в управлении, приведена в подчинение общеимперской. При этом руководителю департамента приходилось сталкиваться и с серьезным сопротивлением заместителя Кавказа великого князя Михаила Николаевича, у которого «были отдельные управления по всем частям и министры не имели права вмешиваться в эти управления до такой степени, что высочайшие повеления, последовавшие по министерствам, были не обязательны для Кавказа, ежели они были испроше-

ны без согласия наместника»¹⁸. Качалов добился строительства новых таможенных зданий в Риге, Санкт-Петербурге, Москве.

В тексте мемуаров содержатся яркие, зачастую субъективные, а иногда и безжалостные характеристики и мелкого чиновничества, и представителей государственно-политической элиты, с которыми автору приходилось соприкасаться по таможенной службе. К примеру, министров финансов М. Х. Рейтерна, С. А. Грейга, А. А. Абазы, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградского, при которых Качалову довелось служить; директоров Департамента таможенных сборов князя Д. А. Оболенского и Ф. И. Тухолки; императоров, великих князей, К. П. Победоносцева и др. Критика источниковедческой достоверности воспоминаний Качалова, писавшего в основном по памяти, необходимым условием предполагает сопоставительное изучение и делопроизводственных источников, и однотипных мемуарных свидетельств¹⁹ с подробным комментарием.

Безусловно, дальнейшее введение в научный обиход и использование сведений мемуаров Качалова будет способствовать расширению наших представлений и по истории таможенного ведомства, и практики преобразований в этой сфере в период 1870–1880-х гг., и организации системы делопроизводства, и механизма принятия государственных решений. Но при этом бесспорно значение воспоминаний не только для биографии, но и психологии автора — представителя старинного дворянского рода, наблюдавшего чиновный мир и изнутри, и в тоже время как бы отстраненно. Это и памятник для характеристики быта эпохи в целом.

В настоящее время Архивом РАН, и благодаря деятельному содействию потомков Н. А. Качалова ведется работа по подготовке к печати полного комментированного текста «Записок».

Примечания

¹ Чуйко В. [Некролог Н. А. Качалову] // Новое время. 1891. 30 окт. С. 3.

² РБС. СПб., 1897. Т. Ибак–Ключарев. С. 575.

³ АРАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 778. Л. 3 об.

⁴ Качалов Н. А. Записки Николая Александровича Качалова. I. Детство // Голос минувшего. 1916. № 5/6. С. 5–23; Записки... II. В морском корпусе // Там же. 1916. № 7/8. С. 218–246; Записки... III. Служба во флоте // Там же. 1916. № 11. С. 62–98; Записки... IV. Во время Крымской кампании // Там же. 1917. № 2. С. 112–137.

⁵ Первый печатный его обзор см.: Ростов Н. Архив В. И. Семевского // Литературное наследство. М., 1937. Т. 7/8. С. 418–430.

⁶ Неоднократно повторенное доктором исторических наук Ю. Н. Емельяновым (исследователем биографии С. П. Мельгунова и журналов, им издаваемых) положение, что архив журнала «Голос минувшего» «не сохранился» (Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: В России и эмиграции. М., 1998. С. 277) и (более корректно) — «архив журнала в своей целостности не сохранился» («Голос минувшего» (Москва. 1913–1923); «На чужой стороне» (Берлин, Берлин – Прага, Прага. 1923–1925); «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж. 1926–1928): Системат. роспись статей и заметок / Сост. и авт. вступит. ст. «История журналов» Ю. Н. Емельянов. М., 2001. С. 8), во многом корректируется наличием указанного архивного фонда объемом в 666 единиц хранения, невероятным образом оставшегося историку неизвестным.

⁷ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 355, 356, 357, 358, 359.

⁸ Там же. Д. 359. Л. 361.

⁹ Там же. Д. 358. Л. 146 об.

¹⁰ Там же. Д. 356. Л. 436 об.–437.

¹¹ Там же. Д. 355. Л. 2.

¹² Эта дата на первой странице рукописи (АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 355. Л. 3) — спустя шестнадцать дней после назначения Н. А. Качалова членом совета министра финансов, каковое состоялось 12 апреля 1884 г. (См.: Общий морской список. СПб., 1898. Ч. 10: Царствование Николая I: Д–М. С. 303)

¹³ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 355. Л. 3–4 об.

¹⁴ Там же. Д. 358. Л. 188.

¹⁵ См.: Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917: В 4 т. СПб., 2001. Т. 2: Центральные государственные учреждения. С. 152–153; Департамент таможенных сборов, 1811–25/X—1911. СПб., [1911].

¹⁶ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 358. Л. 178 об.–179.

¹⁷ Там же. Л. 250.

¹⁸ Там же. Л. 220 об.–221.

¹⁹ К примеру, описание назначения Н. А. Качалова на должность директора департамента содержится в воспоминаниях Ф. Г. Тернера, бывшего заместителем князя Д. А. Оболенского и рассчитывавшего на замещение этой должности; здесь же и о взаимоотношениях Ф. Г. Тернера с Н. А. Качаловым. См.: Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. СПб., 1910. Т. 1. С. 309–315.